

Выводы. Формы оценки наречий является продуктивным разрядом в современном русском языке. Они активно употребляются в языке художественной литературы, публицистике, произведениях устного народного творчества.

Отнаречное словообразование осуществляется в основном посредством суффиксации и префиксации.

Суффиксальное отнаречное словообразование находится в прямой зависимости от фонетичной структуры производящих наречий.

Приспособление аффиксов наречий к сочетаемости с производящими основами осуществляется разными путями. Одним из таких путей является вставочный способ образования суффиксальных оценочных наречий. При вставочном словообразовании суффиксы субъективной оценки не присоединяются к производящей основе как обычно, а вставляются внутрь ее перед первичным наречным суффиксом.

Тукова Т. В.

МОРФОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: АНАЛИТИЗАЦИЯ VS. УСИЛЕНИЕ СИНТАГМАТИКИ?

Сакраментальное “живой как жизнь” характеризует состояние нашего языка на нынешнем переломе тысячелетий особенно точно. Чутко реагируя на бурные изменения в современном мире, он не только активизирует весь накопленный арсенал средств, но и обогащается новыми для адекватной передачи явлений внеязыковой действительности. Но “отражая её и даже подчиняясь ей, – замечает В. Г. Костомаров, – язык сохраняет свою нормативно-регулятивную роль, обеспечивает культурно-этническую преемственность народа и просто свою самостоятельную ценность” [14, с. 32]. Эпоха глобализации отразилась в русском языке не только появлением новых слов и выражений, но и, как утверждают некоторые лингвисты, активизацией такого маргинального для русского языка явления как аналитизм [4, 6, 7, 10, 11 и др.]. Однако, как показывает практика, активное использование этого термина ещё не означает однозначности его понимания. Некоторые лингвисты, подробно описывая языковые факты, относимые ими к аналитическим, не дают теоретического обоснования этого понятия [5, 18, 10]. О. П. Суник отметил, что такова особенность многих общеизвестных понятий нашей науки: термином пользуются все; значение термина интересует сравнительно немногих; что же касается понятия, связанного с термином, и особенно его научного определения, то это до поры до времени мало кого интересует вообще [23, с. 70]. Потому, вероятно, для решения вопроса об аналитизации современной морфологии прежде всего следует выработать четкое определение аналитической морфологической единицы, отграничив её как от лексического аналитического образования, так и от синтаксического.

Как правомерно полагают некоторые авторы, обсуждение проблем аналитизма – это обсуждение вопроса не о языковом значении, а о языковой технике [8, 13, 22 и др.]. Разнообразие единицы языка кладется в основу определения аналитизма. Например, Е. Селиванова подчеркивает, что аналитический способ передачи грамматического значения предполагает два и более графических слова [21, с. 28].

Рассматривая соотношение различных типов языковых единиц в структурном аспекте, В. Г. Гак в энциклопедии “Русский язык” выделяет ряд: неотделимая морфема – отделимая морфема (вспомогательное слово) – служебное слово – самостоятельное (знаменательное) слово – составное слово – словосочетание [20, с. 497]. При этом о вспомогательном слове *будет* у него идет речь в случае типа *Он будет читать*, а о служебном – в предложении типа *Он будет врачом*. Думается, подобное разграничение дает основание для стратификации аналитизма морфологического уровня, где *будет читать* – словоформа глагола будущего времени, которая легко воспроизводится, регулярна и обязательна для глаголов несовершенного вида, и аналитизма синтаксического, где *будет врачом* выступает в роли одного члена предложения, а *будет* при существительном *врач* не обладает признаками, выдвинутыми Р. Якобсоном для грамматических форм и имеющимися у него в первом предложении.

Вопрос об особенностях лексического аналитизма (составных словах) в аспекте его обособленности от грамматического аналитизма до сих пор обсуждаем. Образования типа *брат мужа* (=шурин), *грузовой автомобиль* (=грузовик), *дать оценку* (=оценить) называют аналитическими словами, композитами, синтагматическими образованиями, номинативными паратактическими синтагмами и проч. Чаще всего признаками аналитической лексической единицы называют: номинативный характер; раздельнооформленность; моделированность; беспредложный принцип соединения компонентов; функциональную дифференцированность компонентов; эквивалентность слову и др. [см., напр., 3]. Однако в лингвистической среде далеко не все присоединяются к такому мнению. Так, И. А. Мельчук считает “некорректным” сочетание “аналитическое слово”. В строгом терминологическом употреблении “аналитический” возможен только в составе выражения “аналитическая форма”, а употребление его в других выражениях приблизительны, метафоричны и потому не могут претендовать на логическую точность [17, с. 335].

Исследователи обратили внимание и на промежуточную область между лексикой, морфологией и синтаксисом, представленную в современном русском языке единицами, включающими в себя 3, 4 и более слов, рассматриваемые как части речи, например: *несмотря на то что, в связи с тем что* и др. – союзы; *по сравнению с, по направлению к* и др. – предлоги; содержащие до 10 слов числительные типа *девятьсот семьдесят два миллиарда девятьсот сорок шесть миллионов пятьсот двадцать тысяч триста девяносто девять*. Они тождественны словам по значению и употреблению, но отличаются от них усложненной структурой. Е. Н. Сидоренко вслед за Б. Потье предлагает называть их лексиями. Это именуемые в лингвистической литературе составными словами: составные союзы (*потому что, невзирая на то что* и под.), предлоги (*недалеко от, вместе с* и др.), местоимения (*невесть что, вот кто, неведомо куда* и др.) и т. д. [23, с. 32-33].

Серьёзным камнем преткновения для лингвистов представляется и объем понятия “аналитическая форма”, предполагающий учет уровня компенсации грамматически недостаточной информации. “Аналитическая форма есть не что иное, как выражение ЗА ПРЕДЕЛАМИ словоформы одного из её морфологических значений,” – указывает И. А. Мельчук [16, с. 33]. Различное понимание этих “пределов” легло в основу широкого и узкого толкования аналитизма в морфологии. В середине XX в. в монографии “Русский язык и советское общество” было дано

достаточно неопределенное указание на особенности передачи грамматического значения вне пределов данного слова – “средствами контекста (в широком смысле слова)” [19, с. 11]. Его подхватили исследователи русского языка конца XX – начала XXI вв. [см. 4; 11; 12; 15 и др.]. В одном из последних вузовских учебников аналитизм также усматривается в тех случаях, когда грамматическое значение выражается “словоформой, а передается средствами контекста (в широком смысле слова)” [7, с. 715]. Синтаксические конструкции и порядок слов наряду с предложениями, частицами, связками и вспомогательными словами как аналитический способ выражения грамматического значения названы и в последней из терминологических энциклопедий [21, с. 28]. Всё реже при этом в сравнении с лингвистическими работами середины XXв. [см.1]. упоминается вопрос о служебном компоненте, рост аналитизма описывается, как правило, на примерах синтагматического выражения грамматических значений морфологически ущербных слов, например, неизменяемых существительных, представленных нарицательными заимствованиями и собственными именами (антропонимами с финальными безударными -О, -Е; географическими названиями на –ОВО, – ИНО и т. п.), аббревиатурами и др. Компенсация их грамматической ущербности в выражении грамматикализованных значений рода, числа и падежа проходит как на уровне словосочетания при согласовании с прилагательными, местоимениями, порядковыми числительными, причастиями (ср.: *вкусные киви, наше РИА, первый йети, интригующее видео*), так и на уровне всего предложения при координации подлежащего и сказуемого (*Крутые совершил ошибку; Авокадо осталось лежать на блюде; СМИ объективно освещают события*). Синтагматическое выявление грамматических особенностей слова, думается, было положено и В. В. Виноградовым в основу рассмотрения слов типа *прыг, толк* в качестве коррелятов глаголов, а затем и Е. В. Клобуковым, признавшим “бесспорно аналитическими глаголами” образования типа *ни гу-гу, ни бум-бум, тю-тю* и проч. [12]. Законодатель моды на термин “аналитические части речи” в русском языкознании М. В. Панов называет группу слов типа *экс-, фото-, пресс-, лже-* и др. аналитическими прилагательными на основе их неизменяемости [18]. Однако общеизвестно, что прилагательные “служат” именам существительным и по своей природе не могут выражать ни синтагматически, ни с помощью служебного компонента СВОИ грамматические значения (что особенно важно), а будучи неизменяемыми, и грамматические значения существительного, вынужденного в таких случаях использовать иные синтагматические средства языка: *эта нетто-ставка низка, высококачественные СВЧ-приборы поступили в продажу, получен первый брутто-дивиденд*.

Думается, что такого рода факты служат свидетельством не усиления аналитизма в русском языке современной эпохи, а показателем устойчивости его флективно строя, т. к. грамматические значения анализируемых слов выражаются аффиксами иных слов в синтагме, а не служебными словами, которые должны присутствовать в аналитических морфологических конструкциях как обязательные, регулярные и воспроизводимые компоненты формы. Аналитические служебные компоненты легко присоединяются ко вновь возникающим в русском языке словам, создавая семантически неразложимые сочетания при передаче определенных грамматических значений: *будут лоббировать, пусть ксерит, женщина-камикадзе, одно турне, к Плачидо Доминго* и проч. Хотя некоторые лингвисты даже предположно-падежные сочетания считают носителями лишь синтаксического значения, а не морфологического-пардигматического и поэтому относят их к единицам синтаксической подсистемы [9, с. 77]. В работах грамматистов, занимающихся исследованием аналитизма, в отличие от работ лингвистов, исследующих общие процессы в языке на всех уровнях, делается особый упор на обязательном наличии служебных слов, которые выражают грамматические значения не отдельно, а только в союзности со знаменательным словом. Т.Б. Астен отмечает: “Аналитическая форма может быть определена как целое, семантически неразложимое словосочетание полнозначного и служебного компонентом, стремящееся к максимальной грамматикализации служебного элемента и функционирующее в морфологической парадигме наряду с синтетическими формами” [2, с. 28]. Или ещё более лаконично об аналитической форме: “составная форма, образуемая сочетанием служебного и знаменательного слов” [24, с.15]. Е. Н. Сидоренко характеризует аналитические формы как “идиоматические соединения вспомогательного и полнозначного слова, функционирующие в качестве элемента грамматической формы последнего” [23, с. 32]. Таким образом, в работах по морфологии предлагается более узкое толкование аналитических конструкций, основывающееся на определении грамматической формы Р. Якобсоном. В работе Е. В. Дубовой находим описание аналитических форм как разновидностей основной единицы морфологии, названной ею в исследовании формо-моделью, которая: 1) принадлежит к единицам типа конструкций; 2) имеет неэлементарную (бинарную) структурно-семантическую организацию; 3) состоит из функционально дифференцированных структурных компонентов (лексическая основа и форматив, которые объединяются по принципу взаимообусловленной связи); 4) проявляют абстрагированную репрезентацию лексической основы и конкретизированную репрезентацию форматива [9, с. 43]. Наиболее существенным отличием аналитической формы от других единиц аналитической структуры составляет образование по универсальным аналитическим формо-моделям, в которых форматив имеет исключительно грамматическое предназначение [9, с. 56].

Многие языковеды ещё в 60-х годах XXв. говорили о десемантизации служебного компонента. Однако А. А. Колесников специфику служебного компонента видел не в утрате лексического значения (“десемантизации”), а в его своеобразной “пересемантизации”, в приобретении им регулярной функциональной направленности на обозначение иных сущностей: вариантных свойств и связей референтов опорных в сочетании слов, принадлежащих к определенным частям речи [13 с. 79]. Такой вывод делается им на основании убежденности в том, что “нельзя смешивать лексичность значения и функциональную зависимость этого лексического значения в определенных синтагматических построениях” [13, с. 69].

Наблюдения над корпусом издавна имеющихся в русском языке служебных компонентов показывают, что их круг в последнее время не изменился, не возникли новые построения, в которых при передаче грамматикализованных значений наряду с синтетическими формами регулярно и обязательно возникали бы новые “пересемантизованные” служебные компоненты. Расширился лишь круг слов в русском лексиконе к. XX-нач. XXI вв., который в силу действующего в языке закона системности включается в аналитические конструкции, передающие грамматически выраженную в языке информацию расчленено: *будет мутировать, пусть люмпенствуют, кучковался бы, женщина-кутюрье, одно СП, об СНГ, для япти, более конкурентоспособный, самый консервативный, более*

спекулятивно и проч. Нам представляется, что говорить о каких-либо эволюционно-типологических изменениях языка можно лишь в случае “появления в нем принципиально нового типологического признака или полной нейтрализации проявлений одного из существующих ранее признаков” [9, с. 58].

Русский язык как язык синтетического флективного типа в период бума неологизации использует весь арсенал средств для защиты своего строя. На уровне грамматики это проявляется в активном использовании типичных при выражении грамматических значений аффиксов. Так, вновь появляющиеся двувидовые глаголы типа *криминализовать*, *реинвестировать* в узусе приобретают способность иметь коррелятивные видовые пары, родовое противопоставление с использованием аффиксов – также активный процесс, ср. *эбэиник* – *эбэиница*, *коробейник* – *коробейница*, падежные и числовые значения существительных, как правило, передаются флексиями: *передал риэлтерам*, *доволен “Опелем”*, *построено на инвективах*; у прилагательных также активно задействован потенциал флексий: *омоновскими*, *серверному*, *внесудебного* и проч.

В последние десятилетия в русский язык хлынули неизменяемые слова различных частей речи. И чаще всего при их вхождении в грамматическую систему русского языка адаптационные процессы проявились во включении мощного защитного синтагматического механизма, который часто принимают за аналитизацию морфологии (см., например, у В.В.Лопатина и И. С. Улуханова [20, с. 443]. Хотя, как было показано ранее, формальная компенсация невыраженных в пределах слова грамматических значений у неизменяемых слов на уровне дистрибутивных и предикативных конструкций – доказательство усиления флективности в языке. Работают аффиксы, но аффиксы окружения, а не самого слова.

Аналитические формы в качестве парадигматико-компенсирующих средств также возможны у появляющихся в русском языке слов. Однако говорить об усилении аналитичности при отсутствии новых аналитических моделей вряд ли правомерно. Язык многое адаптирует, проявляя свою устойчивость и самобытность, и “защищается” проверенными средствами в бурно меняющемся мире: “Узнаю тебя, жизнь, принимаю и приветствую звоном щита”.

Литература

1. Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.Л, 1965 -343 с.
2. Астен Т. Б. Аналитизм в морфологии имени: когнитивный и прагматический аспекты: Монография. – Ростов н/Дону, 2003. – 264 с.
3. Борисов Р. В. Функционально-семантическая классификация номинативных аналитических конструкций и тенденции современного аналитизма // Филологические науки. – 1991. – № 1. -С.81-92.
4. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. – М., 2001. – 304 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.,1986. – 640 с.
6. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 2000. – С. 237-304.
7. Гловинская М. Я. Изменения в морфологическом строе // Современный русский литературный язык: Учебник /Под ред. В. Г.Костомарова и В. И. Максимова. – М., 2003. – С.714-735.
8. Гречко В. А. Теория языкознания: Учебное пособие. – М., 2003. – 375с.
9. Дубова О. А. Типологична еволюція морфологічних систем української та російської мов: Монографія. – К.,2002. – 302 с.
10. Земская Е. А. Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в русском языке // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М.В.Панова. – М., 2001. – С. 68-76.
11. Ильина Н. Е. Рост аналитизма в морфологии //Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.,2000. – С.326-344.
- 12.Клобуков Е. В. Аналитические глаголы в русском языке // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М.В.Панова. – М., 2001. – С. 77-87.
13. Колесников А. А. Аналитизм в грамматической системе современного русского языка. – Измаил, 1992. – 128 с.
14. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М., 2005. – 287 с.
15. Крысин Л. П. Новые аналитические прилагательные и явление хиагуса // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. – М., 2001. – С. 189-196.
16. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т.3. – Москва-Вена, 2000.
17. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Слово. Т.1. – Москва-Вена,1997. – 406 с.
18. Панов М. В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А. А. Реформатского – М.,1971. –С. 240-253.
19. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка /Ред. М. В. Панов. –М., 1968. –367 с.
- 20.Русский язык: Энциклопедия /Под ред. Ю.Н. Караулова. – М., 2003. – 704 с.
21. Селиванова О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія.- Полтава, 2006. – 716 с.
22. Серебренников Б. А. К вопросу о “морфологизме” //Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.-Л., 1965. – С. 100-104.
23. Сидоренко Е. Н. Теоретические и практические материалы по морфологии современного русского языка. В 5 ч. Ч.1. Общие вопросы частей речи. Имя существительное. – Симферополь, 2005. – 148 с.
24. СтоляроваЛ. П., Пристайко Т. С., Попко Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов. – К., 2003. – 192 с.

Умрихіна Л. В.

РОЛЬ ОЦІННОГО КОМПОНЕНТА У ФУНКЦІОНУВАННІ ОПТАТИВНИХ ВИСЛОВЛЕНЬ

Вивчення оптативних висловлень, які представляють специфічне виявлення значення бажальності, відповідає сучасним потребам лінгвістики у всебічному висвітленні різних суб'єктивно-модальних значень, що пояснюються визнанням антропоцентричного характеру мови. Відповідно до того актуальною є проблема детального вивчення окремих відтінків основного модального значення з метою їх систематизації, що сприятиме точнішому потрактуванню оптатива як специфічного мовного явища, виявленню особливостей формотворення відповідних синтаксичних конструкцій, з'ясування особливостей мовленнєвих ситуацій, що їх породжують. Досьгодні зазначені питання не отримали вичерпного висвітлення в мовознавчій науці.

Метою статті є розкриття функціонально-семантичних властивостей оптативних речень із семантикою бажальності нездійсненого, супроводжуваної негативною емоційною оцінкою. У зв'язку із цим визначено такі завдання: проаналізувати компонентний склад семантики оптативних висловлень, визначити особливості взаємодії семантичних відтінків у межах одного значення, встановити зв'язок висловлень із мовленнєвою ситуацією та з'ясувати причину й мету їх використання.

Бажальність у сфері власне-ірреальних оптативних висловлень являє собою інваріант семантики оптатива, що виявляється у різноманітних семантичних відтінках. Одним із них є бажальність нездійсненого, супроводжувана негативною емоційною оцінкою (представленою зазвичай імпліцитно), як-от: невдоволення, відчаю, обурення, розчарування, докору, осуду, жалю тощо.